

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Ответ Ван Дэвэю

И вроде нет тут ничего сложного, а начать все же непросто, мысли путаются. Буквально вчера мой литературный агент, господин Тань Гуанлэй, написал, что гарвардский профессор Ван Дэвэй с факультета Восточной Азии поручил госпоже Диди (журналистке «Нью-Йорк таймс») кое о чем меня спросить. Сама г-жа Диди недавно приезжала сюда, в Ханчжоу, чтобы взять у меня интервью в честь выхода англоязычного издания «Расшифровки». Опасаясь, вероятно, моего невежества и дремучести, Тань особо подчеркнул, что профессор Ван — главный после критика Ся Чжицина специалист по китайской литературе за рубежом. Тань зря беспокоился: я варюсь в литературных кругах без малого три десятка лет и, конечно же, наслышан о знаменитом господине Ване. Мы никогда не встречались и не общались, но я прочел немало его статей и извлек из них много пользы.

Вопрос был задан на английском, но г-жа Диди знает, что я деревенщина, и потому перевела его на китайский:

Господин Май описывает китайский мир шпионов, закрытых данных, секретов. Как он относится к феномену мира «постсноуденовского»? Не живем ли мы все в обществе, где правят бал шпионы, шифры, заговоры и тайны?

Прошу простить мою откровенность: китайский перевод звучит странновато, отдельные слова будто бы не к месту. Впрочем, довольно — вопрос мне понятен. Я даже знаю, почему г-жа Диди обратилась ко мне не напрямую (в конце концов, мы ведь на днях беседовали), а через агента: наверняка она сочла вопрос щекотливым и побоялась, что я уйду от ответа. А может, она просто запомнила меня как человека осторожного, того, кто в ответ на вопрос только улыбнется и ничего не скажет, держит мысли при себе. На самом-то деле я молчу не от осторожности, а от волнения и косноязычия. У меня вообще легкая форма социофобии, а уж когда спрашивают несколько сбивчиво, да еще глядя голубыми глазами с длинными ресницами... Г-жа Диди родилась в Ирландии, а выросла в Гонконге. Гонконг не назовешь идеальным местом для изучения китайского языка; иначе речь г-жи Диди была бы, конечно, куда более ясной и я не был бы так сдержан в разговоре.

К пятидесяти годам человек «познает волю Неба»¹, а мне как раз в этом году исполняется пятьдесят. Чего бояться тому, кто даже волю Неба познал? Живи себе честно, по совести. С открытым сердцем, ничего не тая, я быстро написал ответ. На сей раз передо мной был не человек, а текст, и мою робость и косноязычие как рукой сняло, мысль была ключом, нужные слова находились без труда, и вот уже готов ответ — на целую страницу, как у настоящего болтуна...

Сноуден — дитя Божье (дитя Вселенной), а еще он тот ребенок из сказки про голого короля. Вопрос не в том, что он сделал, а в том, что он, нравится ему это или нет, гражданин своей страны; более того, по роду своего занятия он нес ответственность за безопасность этой страны. Его работа всегда почиталась священным и с точки зрения гражданского долга благородным делом, которому он обязан был отдать все — даже, при необходимости, свою жизнь. Без каких-либо принуждений со стороны он разорвал этот общепринятый договор, отчего его образ гиперболизировался и деформировался, подобно сфинксу: поразительно уродливый и поразительно прекрасный одновременно.

.....

¹ Автор цитирует Конфуция. (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. пер.)

Вне всяких сомнений, Сноуден и главный герой «Расшифровки» Жун Цзиньчжэнь — люди одного типа, оба посвятили себя священному делу — защите государственной безопасности, обоих оно преобразило; разница в том, что Жун Цзиньчжэнь, в отличие от Сноудена, считал служение этому делу высочайшей честью и готов был броситься в пламя, чтобы доказать свою преданность. Они как две стороны одной медали, им, стоящим спиной к спине, суждено играть противоположные роли: роль героя и роль заклятого врага.

И Сноуден, и Жун Цзиньчжэнь, и враг, и герой — люди, покинутые Богом. К сожалению, в каждой стране найдется немало таких, как они. Скажем прямо: Сноуден показал нам уродливую сторону не только Соединенных Штатов, но и всего нынешнего мира. Мир захватили технологии, и я безрадостно размышляю о том, что любая страна, будь у нее технические возможности, занялась бы тем же, что и Америка. Технологии сделали нас всемогущими и в то же время уязвимыми, хрупкими. Они, сотворенные ветром чудища, сужают мир до размеров кнопки: нажмешь ее, и все живое вплоть до последнего муравьишки исчезнет с лица Земли. В нынешнюю эпоху конфиденциальность, быть может, стала роскошью — в конце концов, Бог наделил нас инстинктом самосохранения. А значит, выбора у нас нет, остается лишь

жить «в обществе, где правят бал шпионы, заговоры и тайны».

Я не буду, поставив себя на место Жун Цзиньчжэня, насмехаться над Сноуденом; я не собираюсь, приняв сторону Сноудена, презирать Жун Цзиньчжэня. Мне жаль, что нельзя быть просто сыном Вселенной, но я счастлив быть сыном Литературы: никакое иное ремесло не приближает человека к Богу так, как писательство. Оно раскрыло меня и придало мне смелости; Всевышний рядом, и я не боюсь говорить с дьяволом. Знаете, если бы в мире не было литературы, искусства, религии, философии, всего нашего духовного наследия, передаваемого из поколения в поколение, чудища, что называются «технологиями», давно бы погубили нас или превратили в стадо динозавров, толпу зомби, существ, что могут лишь сжигать в огне, но не способны зажечь огонь ни в единой душе; это был бы мир, где слышны шаги, но не слышно биения сердца; где льется кровь, но не льются слезы; где есть ненависть, но нет любви; где умеют воевать, но не умеют мириться; где научились менять, но научились хранить... Искусство (во главе с литературой) для человека все равно что весна для цветка, денно и нощно оно смягчает наши сердца, насыщает души, под его воздействием взгляды становятся шире, чувства — тоньше, нравы — добрее; благодаря ему чудища-технологии пока еще не одичали.

Не знаю, останется ли профессор Ван доволен моим ответом. Думаю, да: он преподает литературу, а я отношусь к ней с великим пиететом и, отвечая, не забыл о красоте слога. Но клянусь — Всевышний рядом, и я готов поклясться перед Ним: я не лгу и не ищу ни малейшей выгоды. Я убежден, что честность перед Богом важнее одобрения профессора Вана.

17 янв. 2014 г.

Ханчжоу

Часть 1.

НАЧАЛО

Еще с детства она была умнее других, и особенно хорошо ей давалась математика. В одиннадцать лет она поступила в колледж, а в двенадцать уже вычисляла в уме быстрее, чем другие на счетах, так ловко, что люди дара речи лишились от изумления — ты только сплюнуть успел, а она уже помножила и поделила друг на друга пару четырехзначных чисел. Один слепец, из тех, что предсказывают судьбу по форме черепа на ощупь, сказал ей, что у нее мозг стирается до самого кончика носа и что такие чудо-люди рождаются лишь раз в несколько столетий.

— 1 —

Человека, который в 1873 году покинул Тунчжэнь на черной лодке с навесом и отправился на Запад учиться, знали как самого младшего из седьмого поколения знаменитого цзяннань-

ского рода Жун, торговцев солью, по имени Жун Цзылай; но когда он приехал на Запад, он стал называться Джоном Лилли. Позже люди говорили, что именно благодаря этому малому запах сырого солончака, поколениями исходивший от рода Жун, сменился на тонкий аромат книжных страниц, а семья получила репутацию патриотов. Конечно, ничего бы этого не случилось без его путешествия на Запад. Но в то время семья посылала его за границу вовсе не за тем, чтобы менять родовой запах, а для того, чтобы продлить жизнь бабушке.

В молодости она отлично справлялась с ролью матери — родив и вырастив за несколько десятков лет девять сыновей и семь дочерей. Все ее дети трудились в поте лица ради процветания рода Жун и добились успеха, а потому в семейной иерархии бабушка занимала высочайшее положение. Благодаря заботе детей и внуков бабушкина жизнь была долгой — но отнюдь не спокойной: загадочные, запутанные сновидения мучали ее по ночам так, что она кричала во сне, точно ребенок, и даже днем не могла избавиться от страхов. Старушку терзали кошмары, в которых ее большое семейство и сложенные горкой белоснежные слитки серебра превращались в неподъемную ношу, и огонек душистой свечи то и дело подрагивал от ее пронзительных криков. Каждое утро к ним домой приходили знающие люди, толкователи снов, и со временем среди них на-

шлись и те, кто выказывал незаурядные способности.

Среди всех толкователей бабушка особенно выделяла одного молодого иностранца, которого лишь недавно занесло в Тунчжэнь. Он не только безошибочно расшифровывал скрытые во снах старушки знаки и смыслы, но и проявлял дар ясновидения, и даже мог влиять на ее сны. Вот только из-за молодости толкователя мастерство его было каким-то ненадежным; старики таких, как он, зовут желторотиками. Сны он толковал довольно точно, а вот с предсказаниями выходило не так гладко, нередко он попросту попадал пальцем в небо — угадал так угадал, промахнулся так промахнулся. И если со сновидениями первой половины ночи он еще как-то справлялся, то с кошмарами, которые приходили следом, особенно со снами во сне, он уже ничего не мог поделать. Он и сам признавал, что никогда не утруждал себя как следует выучиться у деда его ремеслу, хватал по верхам, не всерьез, так и остался любителем. Однажды бабушка отодвинула при нем настенную панель — стена за панелью была выложена серебряными слитками — и попросила привезти к ней этого деда, но получила отказ. Во-первых, объяснил Иностранец, дед его давно утратил интерес к деньгам — впрочем, он и так не бедствовал, а во-вторых, старик уже в том возрасте, когда пугает одна мысль о том, что придется отправляться в такую даль. И все

же он подсказал бабушке один способ: послать кого-то из семьи к деду на обучение.

Раз старик не мог приехать сам, другого выхода, кажется, не было.

Оставалось лишь найти среди многочисленной родни того, кто идеально подошел бы на эту роль. Этот человек должен был отвечать сразу двум требованиям: быть почтительным к старшим, готовым ради бабушки пройти огонь и воду; быть умным и сметливым, способным за короткое время в совершенстве освоить сложную науку толкования снов. Кандидаты отсеивались один за другим, и наконец выбор пал на двадцатилетнего внука Жун Цзылая. Так и начались его странствия. За пазухой у него лежало рекомендательное письмо от Иностранца, а на плечах — ответственность за спокойную бабушкину жизнь; и день и ночь в пути, он направлялся к мастеру на обучение. Месяц спустя, когда Жун Цзылай переправлялся на пароме через Тихий океан, на море разыгрался шторм. В ту ночь бабушке приснилось, что паром идет ко дну, а вместе с ним тонет и внук. Старушке снилось, что от горя у нее остановилось дыхание, и от этого она и в реальности, а не только во сне, перестала дышать. Больше она уже не просыпалась. Пройдя долгий трудный путь, Жун Цзылай добрался наконец до Учителя и почтительно протянул ему рекомендательное письмо. Учитель протянул ему другое письмо

в ответ — так Жун Цзылай узнал печальную весть о смерти бабушки. Письма странствуют куда быстрее людей, а кто быстрее, тот, конечно, и добирается первым.

Учитель внимательно посмотрел на чужеземца из далекого края. Взгляд старика был острым, как стрелы — хоть птиц с неба сбивай. Казалось, он был вовсе не против взять на закате дней нового ученика. Жун Цзылай, однако, думал совсем иначе: раз бабушка умерла, постигать ремесло смысла уже не было; поблагодарив старика, он стал собираться домой. Он уже готовился к отъезду, когда встретил в университетском городке, где жил мастер, одного соотечественника, и тот взял его с собой на лекцию. После этого Жун Цзылай передумал уезжать. Он понял, что может многому здесь научиться. Он остался постигать науки с тем соотечественником, днем они вместе с одним славянином и турком ходили на лекции по математике, изучали геометрию, решали уравнения, вечером слушали музыку в компании поклонника Баха. Уйдя с головой в учебу, он не заметил, как пролетели годы — к тому времени, когда он опомнился и стал снова собираться на родину, прошло уже семь весен. Ранней осенью 1880 года корабль, на борту которого были Жун Цзылай и несколько десятков бочек со свежесобраным виноградом, отправился в родные края. Когда настали холода и виноград в трюме превратился в вино, Жун Цзылай наконец добрался до дома.